

А. И. Груша

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси,  
Минск, Беларусь. [pirus@tut.by](mailto:pirus@tut.by)

КОГО И ЗА ЧТО КНЯЗЬ ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЯРОСЛАВИЧ  
ОДАРИЛ ДЕРЕВЯННЫМ ОБРАЗКОМ  
С СЮЖЕТОМ «ПРЕМУДРОСТЬ СОЗДА СЕБЕ ХРАМ»?

Предпринимается попытка идентифицировать получателя деревянных резных иконок XVI в., которые хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (№ ДРД-47, 60), выяснить мотивации дарителя – князя Федора Ивановича Ярославича, владельца Пинска, Клецка, Городка Давыдова и Рогачёва, и обстоятельства, когда иконки были переданы получателю. Поставлен вопрос о неповторимости личности этого князя, его самоидентификации, персональном выборе, мыслях, чувствах и практиках в сфере его собственных социальных и культурных связей.

*Ключевые слова:* Великое княжество Литовское, Федор Иванович Ярославич, икона, «Премудрость созда себе храм», дар, репрезентация благочестия, религиозные идеи

Приношу особую благодарность О. Д. Баженовой, побудившей меня взяться за подготовку этой статьи. Сердечно благодарю также коллег, принявших участие в обсуждении статьи: Е. С. Глинского, С. В. Городилина, А. В. Казакова, И. В. Лемешкина, В. Н. Михайловского, В. В. Полищука, В. И. Ульяновского, В. Г. Ченцову.

В Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге хранятся два замечательных памятника изобразительного искусства – деревянные резные образки (6,6 × 5,1 × 0,4 см; 6,6 × 5,2 × 0,4 см) со следующими сюжетами. Первый – очень редкий особенно для мелкой пластики Руси XIV–XVI вв. сюжет – «Премудрость созда себе храм» (иллюстрирует первые стихи девятой главы Книги Притчей; рис. 1). Второй – «Праздники» (с изображением четырех праздников: Рождество Христово, Преображение, Вознесение и Успение Богородицы; рис. 2)<sup>1</sup>. Как считает И. И. Плешанова, возможно, первоначально они представляли собой двусторонний рельеф или складень, заключенный в драгоценный металлический оклад [Плешанова, 1980, с. 209]. О том, что это был двухсторонний рельеф, В. Г. Пуцко пишет утвердительно (неизвестно, правда, на каких основаниях): «Первоначально рассматриваемая здесь резная икона... была двусторонней, а затем распилена на две пластинки...» [Пуцко]. На иконках имеются сообщения о дарителе (заказчике), получателе и мастере-резчике.

Эти резные миниатюры заслужили высокие оценки со стороны историков-искусствоведов: «Незаурядные пластические и декоративные качества ставят створочки Русского музея в число замечательных произведений древнерусской декоративной пластики»; «Своеобразие рисунка этого художника и характер резьбы особенно ощутимы при сопоставлении с одновременными памятниками древнерусской миниатюры»; «Отмеченные индивидуальностью стиля и пластики, работы пинского резчика достойно стоят в одном ряду с лучшими произведениями древнерусской резной миниатюры XV–XVI вв.» [Плешанова, 1980, с. 215]; «Если бы оказалась известной только рельефная икона “Премудрость созда себе храм” резца попа Анании, – безусловно, стоило бы говорить о нем как об исключительном мастере пластической интерпретации живописного оригинала»; «Манера резьбы выразительная и своеобразная, как яркое индивидуальное творчество» [Пуцко].

<sup>1</sup> Государственный Русский музей (далее – ГРМ). Инв. № ДРД-47, 60. Образки были приобретены для Музея христианских древностей (Музей древнерусского искусства) Императорской Академии художеств в 1864 г. у московского купца И. В. Стрелкова. В дальнейшем собрание этого музея было передано в Русский музей императора Александра III, открытый в 1898 г., ныне – ГРМ [Пивоварова, с. 151].

О происхождении иконографической композиции некогда двустороннего рельефа (или складня; далее для удобства мы будем называть данный памятник диптихом), его теологической основе, пластических, декоративных, стилистических характеристиках и своеобразии резьбы писали И. И. Плешанова [Плешанова, 1980], В. Г. Пуцко [Пуцко] и О. Д. Баженова [Баженова]. Изображение диптиха неоднократно публиковалось<sup>2</sup>.

Нас более всего интересует содержание его надписей. В них читается: по верхнему бортику первой створки – «Соѡеи [Прему]др(о)сть<sup>3</sup> Б(о)жіа дана<sup>4</sup> бысть<sup>5</sup> кн(а)з(ε)мъ<sup>6</sup> Ѡедор(о)мъ<sup>7</sup> Ив[ановичомъ Ёрославича]»<sup>8</sup>; по левому и правому бортикам второй створки – «Дана<sup>9</sup> бысть<sup>10</sup> княземъ Ѡедоромъ<sup>11</sup> Ивановичом<sup>12</sup> Ёросл(а)вѣча<sup>13</sup> | Ѡедороу<sup>14</sup> Ивановичоу Щѣпиноу робѣль попъ Ананія»<sup>15</sup>.

В настоящее время больше написано о сюжетах диптиха, его художественных достоинствах и мастере-изготовителе – попе Анании (сведения о нем рассеяны по разным изданиям, в том числе справочникам и энциклопедиям<sup>16</sup>). Владельцы же (заказчик, он же – даритель, и получатель) формируют лишь малозначительный фон существования данного памятника. Но изменим фокус наблюдения. В социокультурном, личностном и эмоциональном планах значимыми являлись не столько сюжет, художественные качества изделия, его принадлежность тому или иному мастеру, сколько сам факт дарения, который актуализировал, устанавливал, подтверждал и выражал определенные отношения. Даритель как инициатор и организатор этой передачи выдвигал на первый план прагматику самого акта дарения: выполнение обязательств в отношении к получателю, конструирование и трансляцию эмоций, расчет на правильную интерпретацию своих действий, одобрение со стороны получателя и общества. Важна была также и мемориальная функция дара. Перед нами нечастый случай, когда представляется возможность увидеть за этим произведением искусства не только личности дарителя и получателя, их социальные и персональные связи и отношения, взаимные обязательства, но также религиозно-символический контекст всех этих связей, отношений и обязательств.

Кто был дарителем диптиха? Кто являлся его получателем? Можно ли определить, чем был мотивирован даритель, вручая диптих, и при каких обстоятельствах этот диптих был передан получателю? Последний вопрос для нас является самым важным, поскольку ответ на него может помочь раскрыть индивидуальность человека Средневековья с его самоидентификацией, неповторимостью личности, личным выбором, мыслями, чувствами, практиками и стратегиями

<sup>2</sup> Наиболее качественные иллюстрации диптиха: [Плешанова, 1980, с. 210, 212, 213]; Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў / Аўтар і складальнік Н. Ф. Высоцкая. Мінск, 1983. Табл. 21, 22.

<sup>3</sup> Фрагмент бортика сколот, в квадратных скобках – по смыслу; буквы «д» и «р» составляют лигатуру; «р» и «с» слиты; «т» и «ь» составляют лигатуру.

<sup>4</sup> Буквы «а» и «н» составляют лигатуру.

<sup>5</sup> Буквы «т» и «ь» составляют лигатуру.

<sup>6</sup> Буквы «м» и «ь» составляют лигатуру; последняя буква слова может читаться как «ь».

<sup>7</sup> Буквы «р» и «м» слиты; «м» и «ь» составляют лигатуру; последняя буква слова может читаться как «ь».

<sup>8</sup> Не дописано, в квадратных скобках – в соответствии с содержанием надписи второй створки.

<sup>9</sup> Надпись начинается элементом в виде буквы «п».

<sup>10</sup> Буквы «т» и «ь» составляют лигатуру.

<sup>11</sup> Буквы «р» и «о» слиты; «м» и «ь» составляют лигатуру; последняя буква слова может читаться как «ь».

<sup>12</sup> Буквы «а» и «н» составляют лигатуру.

<sup>13</sup> Буквы «р» и «о» слиты.

<sup>14</sup> Буквы «р» и «о» слиты.

<sup>15</sup> Надпись завершается элементом в виде буквы «п». Надписи выполнены в технике оброчной резьбы; в данной публикации при передаче текста сохраняются все буквы, вышедшие из употребления; в квадратные скобки заключены буквы, которые были утрачены в результате повреждения створки, пропущены по ошибке или сознательно – в силу недостатка места; в круглые скобки заключены буквы, пропущенные в словах, которые обычно сокращались или могли сокращаться при помощи контракции. Текст передан по иллюстрации: Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў. Табл. 21, 22.

<sup>16</sup> Перечень изданий см.: [Плешанова, 1980, с. 216]; Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў. Табл. 21, 22. См. также: [Беларуская энцыклапедыя, с. 338; Республика Беларусь, с. 97; Культура Беларусі, с. 149–150; Плешанова, 2001] и другие издания.



в сфере его социальных и культурных связей. Но решить этот вопрос мы в состоянии лишь тогда, когда ответим на два первых вопроса.

Эти два вопроса необходимо решать одновременно. Только при соблюдении данного условия мы можем добиться наибольшей вероятности полученных результатов.

Как свидетельствует надпись на диптихе, его дарителем являлся князь Федор Иванович Ярославича («Ярославича» – одна из форм данного компонента имени), получателем – Федор Иванович Щепин.

Личность дарителя уверенно и надежно идентифицируется с уроженцем Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) – князем Федором Ивановичем Ярославичем (Ярославича)<sup>17</sup>. В настоящее время ему посвящены отдельные статьи<sup>18</sup>. Имя этого князя давно и часто присутствует в работах, касающихся разных вопросов истории титулованной знати ВКЛ, православной церкви, прошлого Пинска, Клецка и Городка Давыдова<sup>19</sup>.

Федор Иванович Ярославич не принадлежал к числу старой аристократии ВКЛ и вел свой род от младшего сына великого князя московского Ивана Калиты – Андрея (1327–1353). Его предки – совладельцы Москвы, серпуховские князья-суверены, политический статус которых в отношении к московским великим князьям выражался как «братия молодшая», «братия молодшая и сыновья», «сыновья» и «братаничи». Прапрадед князя Федора – Владимир Андреевич Храбрый (1353–1410) и его дед – Василий Ярославич (1416/1419–1483) были верными и деятельными сподвижниками московских правителей и стяжали славу успешных военачальников.

Василий Ярославич был последним владельцем Серпухова из числа представителей этой линии Калитовичей. В 1456 г. по приказу великого князя Василия II Темного он был заключен под стражу и лишен владений. Его жена и сын (от первого брака) Иван, которых явно ожидала участь Василия Ярославича, нашли убежище в ВКЛ. Эта линия Калитовичей являлась «своей» для правящей в ВКЛ династии с точки зрения как происхождения, так и контактов и опыта службы. Иван Васильевич Ярославич по отцовской линии был праправнуком великого князя литовского Ольгерда (Владимир Андреевич Храбрый был женат на его дочери Олене). Правителям ВКЛ служили дед Ивана – Ярослав (в 1415–1421 гг.), его отец – Василий (1446), который, кстати, и родился где-то в пределах ВКЛ [Мазуров, Никандров, с. 138–139, 149, 158, 160]. Поэтому, планируя побег, жена Василия Ярославича и его сын Иван могли надеяться, что в ВКЛ им окажут благосклонный прием. Это был второй выезд Ивана Васильевича Ярославича в ВКЛ (первый раз – вместе с отцом в 1446 г.). Оценка правителем ВКЛ «чести», в данном случае – происхождения, родства, социальных преимуществ и запросов, князей Василия и Ивана была вполне достойной. Первый в 1446 г. получил «в вотчину» Брянск, Гомель, Стародуб, Мстиславль «и иные многие места»<sup>20</sup>. Это были значительные владения с особыми условиями пожалования.

Что касается князя Ивана, то ему был пожалован вначале Клецк<sup>21</sup> (не раньше октября 1456 г.<sup>22</sup>), а затем Городок Давыдов<sup>23</sup> (в период между 1471 и 1484 гг.<sup>24</sup>, после смерти вдовы

<sup>17</sup> См., например: [Cahier, p. 128; Уваров, с. 144–146; Плешанова, 1980, с. 214; Пуцко] и другие работы.

<sup>18</sup> См., например: [Wilczek-Karczewska, Karczewski].

<sup>19</sup> См., например: [Wolff, s. 155–157; Грушевский, с. 17–31 и др.; Tierpłowa; Mironowicz, 2011; Mironowicz, 2014] и другие работы.

<sup>20</sup> ПСРА. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 113–114; М., 2001. Т. 8. С. 117.

<sup>21</sup> Ныне – Клецк (белорус. Клецк), г., центр р-на Минской обл. Республики Беларусь.

<sup>22</sup> В это время Клецком управлял великокняжеский наместник, а земли Клецкой волости раздавались панам (Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кнуга Nr. 3 (1440–1498). Užrašymų knuga 3 / Par.: L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius, 1998. P. 43).

<sup>23</sup> Ныне – Давыд-Городок (белорус. Давыд-Гарадок), г. Столинского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>24</sup> Это пожалование должно было состояться после смерти вдовы великого князя Свидригайлы, которая умерла между 4 марта 1471 г. и 28 сентября 1484 г. [Полехов, с. 266].

великого князя Свидригайлы – Ганны, владевшей им) и Рогачёв<sup>25</sup>. На первых порах он рассматривал свое пребывание в ВКЛ как временное и в союзе с князем Иваном Андреевичем Можайским вынашивал планы возвращения удела и освобождения отца. В начале марта 1462 г. эти планы были раскрыты, а сторонники Василия Ярославича были подвергнуты жестокой расправе [Мазуров, Никандров, с. 175–183]. Указанные планы Ивана Васильевича Ярославича были расстроены, отложены на время или навсегда. Во всяком случае, в последующие годы нам ничего не известно о его попытках их претворения в жизнь, несмотря на то, что его отец находился в заточении почти 30 лет.

Князь Федор родился, видимо, в Клецке, не ранее 1463 г., но не позже 1471 г. В последнем случае мы допускаем, что его жена – дочь князя Семена Оленьковича, которая родилась не позже 1471 г. (ее отец умер в конце 1470 г.), – вряд ли была старше мужа, а если и была старше, то не намного. Федор Иванович Ярославич был жив еще в ноябре 1521 г.<sup>26</sup> Источник за май 1522 г. называет его «небожчиком» (покойным)<sup>27</sup>, при том, что уже в феврале этого года землями Пинского повета распоряжалась королева польская и великая княгиня литовская Бона<sup>28</sup>. Следовательно, князь Федор умер в конце 1521 – начале 1522 г.<sup>29</sup>

В литературе Федор Иванович Ярославич больше известен как пинский князь. Владельцем Пинска<sup>30</sup> с правами полусуверена – «отчинным господарём» – он стал в 1501 г. в результате брачного союза с единственной наследницей Пинска, дочерью князя Семена Оленьковича<sup>31</sup> и Марьи (ее отец – влиятельный вельможа Ян Гаштольд) Оленой (Александрой) в 1498 г. [Грушевский, с. 13, 17–19]. Этот союз, впрочем, не сразу сделал Федора Ивановича Ярославича владельцем Пинска. Марья, получившая этот город в 1471 г. из рук великого князя литовского Казимира, сохранила права на него вплоть до своей смерти в 1501 г.<sup>32</sup> С 1507 г., когда умер его отец<sup>33</sup>, князь Федор владел не только Пинском, но также Клецком, Городком Давыдовым, волостью Рогачёв, а с 1508 г. – и волостью Вядо<sup>34</sup>, являясь одним из самых состоятельных подданных правителя ВКЛ.

Нельзя согласиться с мнением о том, что сохранились лишь немногочисленные сведения об этом князе [Плешанова, 1980, с. 215]. До нас дошло (в подлинниках и списках)

<sup>25</sup> Ныне – Рогачёв (белорус. Рагачоў), г., центр р-на Гомельской обл. Республики Беларусь. Если судить по пересказу содержания одного документа, можно предположить, что Рогачёв он получил вместе с Городком Давыдовым: «Zniesienie krola Kazimierza dobr Grodek u Rohacow xiazęcia Iwana Jaroslawowicza u dwuch poddanych w Kliecku» (Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кнуга Nr. 1 (1380–1584). Užrašymų knyga 1 / Par.: A. Baliulis, R. Firkovičius. Vilnius, 1998. № 441. P. 93).

<sup>26</sup> Lietuvos Metrika. Кнуга Nr. 1. № 423. P. 91.

<sup>27</sup> Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее – LVIA). F. 1280. Ap. 1. V. 1161. L. 74; Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 81 об., опубл.: Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском... Вильна, 1867 (далее – Ревизия). С. 324.

<sup>28</sup> LVIA. F. 1280. Ap. 1. V. 1161. L. 20v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 21, опубл.: Ревизия. С. 242; [Грушевский, с. 27–28].

<sup>29</sup> Мнение Н. Ф. Высоцкой, которое некритически принял В. Г. Пуцко [Пуцко], о том, что князь Федор умер в 1525 г. (Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў. Табл. 21, 22), ошибочно.

<sup>30</sup> Ныне – Пинск (белорус. Пінск), г., центр р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>31</sup> Киевский наместник в 1455–1470 гг. (почитавший себя тут полноправным правителем – господарём и отчичем), претендовавший одно время на великокняжеский престол [Воронин, с. 104–110].

<sup>32</sup> Последний раз княгиня Марья как владелица Пинска упомянута в источнике за март 1501 г. (Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кнуга Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / par. A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 361. P. 231–232). Маем 1501 г. датировано первое пожалование Федора Ивановича Ярославича, сделанное в Пинске (LVIA. F. 1280. Ap. 1. V. 1161. L. 44, датируется 8010 г. (ошибка, должно быть 7010 г.), индикт 4; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 48 об., опубл.: Ревизия. С. 274–275, датируется 8009 г. (ошибка, должно быть 7009 г.), индикт 4, за основу датировки взят индикт). Источник за 10 июня 1501 г. сообщает, что Пинск был дан князю Федору великим князем литовским «у в отчину» (Lietuvos Metrika. Кнуга Nr. 6. № 454. P. 269).

<sup>33</sup> Был жив еще в апреле 1507 г. (LVIA. F. 1280. Ap. 1. V. 1161. L. 88v–89v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 95–96, опубл.: Ревизия. С. 348–349). 14 июля 1507 г. датирован иск княгини Семеновы Михайловны Слуцкой на Федора Ивановича Ярославича о подводах – «штожь онъ подводь ее въ Клецку не отмениваетъ» (РИБ. Пг., 1903. Т. 20. № 23. Стб. 555; [Пазднякоў, 2014, с. 275]).

<sup>34</sup> Вядо (белорус. Вяда), д., в настоящее время не существует, находилась на территории Выгонощанского с/с Ивацевичского р-на (на берегу оз. Бобровицкое) Брестской обл. Республики Беларусь.



более 80 документов, выданных единолично Федором Ивановичем Ярославичем, а также им совместно с его женой Оленой (при жизни жены Ярославич чаще всего выступал сообща с ней в большинстве его документов; далее под его пожалованиями будут пониматься в том числе совместные пожалования этого князя и его жены). Известно около 50 упоминаний о таких документах. Сохранилось более 20 документов, в которых князь Федор выступает как их получатель, субъект распоряжения верховного правителя, истец и ответчик, в иной роли. Имеются упоминания о примерно 20 таких документах. Все эти численные сведения имеют предварительный характер и отражают лишь результаты подсчетов на этапе сбора и систематизации источников, связанных с Федором Ивановичем Ярославичем<sup>35</sup>.

Но даже и дошедшая информация дает нам представление о князе Федоре как о подданном великого князя литовского и полусуверенном правителе. Он относился к типу аристократии, которая свою службу верховному правителю рассматривала иначе, чем молодые и амбицизные, такие же знатные и не столь знатные современники. Эта его служба не была связана с занятием господарских должностей (как, например, служба князя Константина Ивановича Острожского, занимавшего разные должности, в том числе и по центральному управлению), с подачей советов верховному правителю, выполнением важных и ответственных распоряжений великого князя в области внешней политики и правосудия<sup>36</sup>, с демонстрацией своей верности и усердия в службе господарю, со стремлением добиться влияния при великокняжеском дворе. Вообще, он не был озабочен навязыванием своего общества политической элите ВКЛ и не пытался попасть в ее среду. Наоборот, он как будто держался особняком от этой элиты. Его активность была сосредоточена не в центре – при дворе великого князя, а на периферии – в его владениях, в том мире, в котором он был почти полноправным хозяином. И как таковой он был вполне самодостаточным. В этой самодостаточности особо проявилась одна черта князя Федора – его щедрость, которая для первой трети XVI в. выходила за пределы нормы. Он великодушно раздавал земельные владения своим боярам, слугам, мещанам, церкви и костелу и даже еврейскому и крестьянскому населению, при этом не соотнося свои издержки с приобретениями и не принимая действенных мер по повышению собственного благосостояния.

Какой информацией мы владеем о получателе диптиха? Из сохранившихся письменных источников мы узнаём, что среди современников князя Федора лишь один человек носил имя, похожее на имя этого получателя, но неидентичное ему. Что характерно, носитель данного имени входил в ближайшее окружение пинского, клецкого и городецкого господаря. Это его боярин Федор (реже – Федко, Хведор) Петрович Щепа. О нем источники сообщают неоднократно. Но при этом они совершенно не знают иных вариантов его имени. Везде, где в этих источниках Федор указан с полным именем, он Иванович, а не Петрович, Щепа, а не Щепин. Различие в двух вариантах имени существенное. Надпись на диптихе свидетельствует не только об ином имени отца Федора, но и о том, что третий компонент имени – «Щепин» – является патронимом, отсылающим к прозвищу отца. Первым, кто отождествил Федора Ивановича Щепина с Федором Петровичем Щепой, является В. С. Поздняков [Пазднякоў, 2005; Пазднякоў, 2014, с. 276]. Ему возразил В. Г. Пуцко, который отметил, что идентичность этих двух лиц

<sup>35</sup> Кстати, многие документы князя Федора и упоминания о них изданы в 1867 г. (Ревизия).

<sup>36</sup> Лишь однажды князь Федор выполнил поручение великого князя в качестве судьи (РИБ. Т. 20. № 62. Стб. 74–75) – явно как знаток местных прав: он совместно с земским маршалком и слонимским державцей Яном Николаевичем Радивиловича рассматривал тяжбу между аббатом кляштора (католического монастыря) Матки Божьей в Старых Троках Бернатов и людьми-гичанами Слонимского повета о кривдах в бортной и пашенной земле с. Оброво. Села Гичицы (ныне – Гичицы (белорус. Гічыцы), д. Яглевицкого с/с Ивацевичского р-на Брестской обл. Республики Беларусь) и Оброво (ныне – Оброво (белорус. Аброва), д., центр с/с Ивацевичского р-на Брестской обл. Республики Беларусь) находились по соседству с владениями князя Федора.

пока не доказана [Пуцко]<sup>37</sup>. Но с мнением В. Г. Пуцко, что поиски Федора Ивановича Щепина «уперлись в глухой угол», полностью согласиться нельзя. Наличие персональной связи между Федором Ивановичем Ярославичем и боярином Щепой позволяет считать предположение о том, что на диптихе должно было читаться имя Федора Петровича Щепы или кого-то из его ближайших родственников, очень вероятным.

Чтобы понять мотивы передачи диптиха князем Федором, обстоятельства, в которых могла состояться эта передача, следует поближе ознакомиться с личностью этого князя, его помыслами, страхами и ожиданиями. Повод сделать это у нас уже был. Мы писали, что князь Федор был наделен обостренными религиозными чувствами, которые стимулировались в том числе долгим и напряженным ожиданием собственных детей, усиливавшим упования этого князя на Бога и питавшим его благочестие. Эти чувства развивали и его мировоззренческие установки, а именно: глубинное убеждение в том, что Бог вмешивается в земную жизнь, воздавая милость праведникам и наказывая грешников. Данное убеждение могло подкрепляться интерпретацией князьями Ярославичами истории и опыта их семьи и рода. Очевидно, что трагические события, связанные с вероломным захватом и заключением под стражу деда князя Федора – Василия Ярославича, мученической смертью его сторонников (эти события оставили глубокое впечатление у современников; поступки московского правителя осуждались в обществе, к судьбе же Василия Ярославича и к смерти его приверженцев относились с сочувствием; эти события были памятны еще долгое время, увековечены в летописях, которые укрепляли и стимулировали память), явно являлись одними из самых проникновенных воспоминаний его сына и внука, болевой точкой их памяти. События 1462 г. имели продолжение. Сразу после казни дворян ее инициатора Василия Темного поразил тяжелый и изнуряющий недуг, который вскоре – в том же месяце – привел к его смерти. Очевидно, в семье Ивана Васильевича Ярославича сформировался нарратив, основанный на образе Бога, спасающего его род и наказующего противников этого рода [Груша, с. 45–46].

Глубокая религиозность князя Федора и его жены ощущается, в частности, в особой заботе этой супружеской четы о «памяти» по их душам, а также по душам их родителей и слуг, о материальном состоянии церкви (известно, что они покровительствовали более чем 10 православным церквям и одному католическому костелу, находящимся в Пинске и за его пределами<sup>38</sup>).

Федор Иванович Ярославич был склонен к активной репрезентации своего благочестия. При этом она отличалась оригинальными формами. Князь Федор, например, собственноручно писал документы в пользу церкви. Известно как минимум восемь таких документов. А в 1511 г. Ярославич сделал пожалование своему боярину в день Пасхи (Великдень, Великий день) и совершил неординарный с точки зрения его социального положения и статуса поступок – переписал текст жалованного листа своей рукой. Мы попытались так объяснить смысл этой репрезентации: «Великий день был источником божественных благодеяний. Его святители особенными делами благочестия и благотворения ближних. Посредством написания документов для церкви кн. Федор являл свою любовь к Богу. Переписывая в этот день документ для своего подданного, он, пренебрегая социальными ролями, репрезентовал свое христианское человеколюбие. Важно и другое. Поместив свои пожалование и переписку документа в сакральное пространство и время, он возвел их в ранг священных действий. Кн. Федор возвысил и сравнял два этих деяния – одно из которых подобало щедрому христианскому господарю (дарение, пожалование), другое – верному и усердному слуге (написание документа), сделав равными господина и слугу перед Богом и Страшным судом» [Груша, с. 42–43].

---

<sup>37</sup> О других неопределенных мнениях, касающихся идентификации Федора Ивановича Щепина, см.: [Плешанова, 1980, с. 214].

<sup>38</sup> О деятельности князя Федора, связанной с поддержкой церкви и костела, см.: [Wilczek-Karczewska, Karczewski].

К неординарному образу Федора Ивановича Ярославича добавим следующий штрих. Известен еще один документ этого князя, за 1507 г. – в пользу его подданного, боярина Михайлы Дмитриевича Шарапа, тоже написанный, как следует из документа, рукой его юридического автора<sup>39</sup>.

Чтобы объяснить причины, которые могли побудить князя Федора к передаче диптиха Федору Петровичу Щепе, важно получить сведения об их личных отношениях. Сделать это возможно. Выше мы привели случай, когда в 1511 г. Федор Иванович Ярославич в Великдень сделал пожалование своему боярину и при подготовке жалованного листа выступил в качестве его составителя и переписчика. В поступке князя Федора мы увидели религиозные мотивы. Но нельзя исключать, что в нем выразилось также и особо почтительное личное отношение этого полусуверена к получателю. Дело в том, что тем боярином, которому в 1511 г., в Великдень, князь Федор своей рукой переписал текст документа, являлся как раз Федор Петрович Щепа.

Предположение об особо почтительном отношении Ярославича к Щепе подтверждается другими сведениями. Щепа был отмечен в качестве свидетеля в различных актах пожалования Ивана Васильевича Ярославича и его сына князя Федора: в 1507 г.<sup>40</sup>, 1515 г.<sup>41</sup>, 1520 г.<sup>42</sup> Но нельзя не заметить, что его социальный статус не был самым высоким<sup>43</sup>. Если судить по перечням свидетелей (отмеченных в документах этих князей, в том числе самостоятельно написанных князем Федором), порядок указания которых последовательно выдерживался в зависимости от иерархического принципа, Щепа среди местных бояр занимал положение где-то посередине. Выше его стояли бояре Долмат Андреевич, Михайло Дмитриевич Шарап, Ивашко Федорович Полозович, Григорей Иванович Бруяка<sup>44</sup>, ниже Щепы – его брат Олеша, Матфей Гричинович и Олехно Некрас<sup>45</sup>. Что лежало в основе этого иерархического принципа, до конца не ясно. Это могла быть знатность, а среди одинаково знатных – возраст. Следовательно, Федор Щепа не относился к числу самых приближенных бояр по родовитости и возрастному признаку, но тем не менее пользовался особым расположением со стороны князя Федора. Ведь как можно судить на основе большого количества сохранившихся документов, которые были выданы Ярославичем в пользу его многочисленных бояр, мало кто из них был удостоен такой милости и чести, как Щепа (а также, как упоминалось выше, Михайло Дмитриевич Шарап), в отношении которого «отчинный господарь» в праздничной обстановке выступил в качестве обычного писца.

Немаловажен и тот факт, что, согласно Переписи войска ВКЛ 1528 г., Федор Щепа выставлял с владений Пинского повета трех всадников<sup>46</sup>, с владений Клецкого повета – двух всадников<sup>47</sup>. Если следовать регламенту данной переписи (один всадник снаряжался с восьми крестьянских служб), его владения в целом состояли из 40 крестьянских служб. В 1528 г. Щепа являлся одним из самых богатых бояр прежних владений Федора Ивановича Ярославича.

<sup>39</sup> Пудалов Б. М. Жалованная грамота князя Федора Ивановича Ярославича 1507 года // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 62–64. Этот документ требует дополнительного изучения de visu.

<sup>40</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 89v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 96, опубли.: Ревизия. С. 349.

<sup>41</sup> Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1869. Т. 6. № 6. С. 16–17.

<sup>42</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 57v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 64, опубли.: Ревизия. С. 130, 295; LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 58v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 65, опубли.: Ревизия. С. 297.

<sup>43</sup> Хотя А. Грушевский и пишет, что Щепа «занимал важное положение, как влиятельный член рады кн. Феодора и как сравнительно зажиточный землевладелец» [Грушевский, с. 115].

<sup>44</sup> А также, если судить по порядку свидетелей, реконструированному по документам, где Щепа среди этих свидетелей отсутствует, – Сенко Сенкович, Семен Зенкович, Фурс Иванович.

<sup>45</sup> А также, если судить по порядку свидетелей, реконструированному по документам, где Щепа среди этих свидетелей отсутствует, – Василей Олехнович, Дашко Юряжич, Данило Саванович, Курило Гричинович, Михайло Федюшкович, Заранко Дмитрович, Грыгорей Дылека, Венедикт Фурсович.

<sup>46</sup> Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга Публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. А. Вайтовіч, М. Ф. Спірыдонаў. Мінск, 2003. С. 151.

<sup>47</sup> Там же. С. 152.

Своим материальным благосостоянием он был в значительной степени обязан не только двум выгодным бракам, но и пожалованиям, главным образом князя Федора.

Этот факт вынуждает нас более внимательно присмотреться к данной персоне. Подробный перечень владений Щепы, который мы представим ниже, может показаться излишним, но не в данном случае. Ведь, кроме всего прочего, именно в этих владениях мог храниться рассматриваемый диптих.

Федор Щепа служил еще отцу князя Федора – владельцу Клецка, Городка Давыдова и Рогачёва Ивану Васильевичу Ярославичу. От последнего Щепа получил подтверждение на одну купленную землю в с. Лукавец<sup>48</sup>, пожалование на землю в с. Новодворец<sup>49</sup>, четыре местские (городские) земли, две земли с. Якшичи<sup>50</sup>, трех человек в других частях Клецкого повета, двух человек в с. Лукавец<sup>51</sup>. В 1511 г. князь Федор подтвердил пожалования Щепе, сделанные Иваном Васильевичем Ярославичем, и вдобавок освободил одного его человека от сторожевой повинности, пожаловал этого боярина землей в с. Лукавец, сеножатями в с. Новодворец, местом в Клецке, «в городе» (в замке – укрепленном центре) – для строительства дома («хором»), двором в паркане (укрепленном околном городе) и огородом за парканом<sup>52</sup>. Документ именно на это подтверждение и пожалование князь Федор написал собственноручно. В 1515 г. он обменялся с Щепой некоторыми владениями. В результате обмена первый получил поле и сеножати в с. Лукавец и еще одно поле, второй – Новодворское поле и сеножати<sup>53</sup>.

У Щепы имелись также владения и в Пинском повете. Часть из них ему досталась в результате брака: вначале – с Мариной Юхновной Анцушковича, затем – со Святохной (урожденной Гричиной). Марина приобщила к семейным владениям Гоголев дворец, двор в с. Жабчицы<sup>54</sup> с дворищами в разных селах, которые были выслужены ее предками у великих князей Витовта (1392–1430) и Жигимонта Кейстутовичей (1432–1440)<sup>55</sup>. Вторая жена Щепы Святохна служила еще пинской княгине Марье († 1501) и получила от нее остров Воин с дворищем в с. Ворочевичи<sup>56</sup>. Она владела также людьми с. Довечоровичи<sup>57</sup>. В дальнейшем Святохна перешла на службу князю Федору<sup>58</sup>, который вознаградил ее людьми с. Кожчицы<sup>59</sup> и пустыми дворищами в селах Ворочевичи, Глинная<sup>60</sup> и Кошевичи<sup>61</sup> (дворища в с. Кошевичи в дальнейшем были заменены на два острова).

<sup>48</sup> Ныне – Лукавцы (белорус. Лукаўцы), д. Щепичского с/с Клецкого р-на Минской обл. Республики Беларусь; «Для лучшее твердости...». Пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.) / Уклад.: Я. С. Глінскі, А. А. Жлутка, Д. В. Лісейчыкаў. Мінск, 2018. С. 40. Примеч.

<sup>49</sup> Ныне – Новодворки (белорус. Навадворкі), д. Щепичского с/с Клецкого р-на Минской обл. Республики Беларусь; «Для лучшее твердости...». С. 40. Примеч.

<sup>50</sup> Ныне – Якшичи (белорус. Якшычы), д. Щепичского с/с Клецкого р-на Минской обл. Республики Беларусь; «Для лучшее твердости...». С. 40. Примеч.

<sup>51</sup> НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1852. Л. 4, опубл.: «Для лучшее твердости...». № 8. С. 39–40.

<sup>52</sup> НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1852. Л. 4, опубл.: «Для лучшее твердости...». № 8. С. 39–40.

<sup>53</sup> НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1852. Л. 1, опубл.: «Для лучшее твердости...». № 10. С. 44. О землевладении Федора Щепы см.: [Грушевский, с. 115].

<sup>54</sup> Ныне – Жабчицы (белорус. Жабчыцы, Жабчычы), д. Молотковичского с/с Пинского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>55</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. Л. 43; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 46 об.–47, опубл.: Ревизия. С. 273 (1524).

<sup>56</sup> Ныне – Вороцевичи (белорус. Варацэвічы), д. Снитовского с/с Ивановского р-на Брестской обл. Республики Беларусь; LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. Л. 47v–48; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 52 об.–53, опубл.: Ревизия. С. 279–280 (1545).

<sup>57</sup> Ныне – Дрогичин (белорус. Драгічын), г., центр р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>58</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. Л. 44; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 48–48 об., опубл.: Ревизия. С. 274–275 (1501).

<sup>59</sup> Населенный пункт не идентифицирован.

<sup>60</sup> Ныне – Глинна (белорус. Глінна), д. Горбахского с/с Ивановского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>61</sup> Ныне – Кошевичи (белорус. Кашавічы), д. Оховского с/с Пинского р-на Брестской обл. Республики Беларусь. Святохна активно защищала свои имущественные интересы (LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. Л. 47; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 52–52 об., опубл.: Ревизия. С. 278–279 [1506/1507]; LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. Л. 46; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 50 об.–51, опубл.: Ревизия. С. 277–278 [1507?]).

После смерти князя Федора, в 1524 г., Щепя был одарен новой владелицей Клецка и Пинска – Боной – подтверждением на имения, выслуженные у Ивана Васильевича Ярославича и Федора Ивановича Ярославича, а также на имения, пожалованные князем Федором за службу Святохне<sup>62</sup>.

В этом году Щепя выступил как клецкий боярин<sup>63</sup>. Как из этого проистекает, именно в Клецком повете находился его главный двор. Явно об этом дворе сообщает один источник, который локализирует его в районе с. Лукавец, на дороге в Клецк<sup>64</sup>. Очевидно, ныне – это агрогородок Щепичи (бел. Шчэпічы, ц. с/с Клецкого р-на Минской обл. Республики Беларусь), находящийся в 2 км от деревень Новодворки (прежнее название – Новодворец) и Лукавцы (прежнее название – Лукавец) и в 5 км от д. Якшичи, где находились другие владения Щепы.

Выясняя причины особой благосклонности Ярославича к Щепе, мы можем до бесконечности приводить различные догадки. Но стоит обратить внимание на следующий факт. Источники зафиксировали время, когда Федор Иванович Ярославич впервые проявил данную благосклонность. Это произошло 17 августа 1503 г.<sup>65</sup>, когда князь Федор пожаловал Щепе массив владений в Пинском повете, предоставив ему, между прочим, возможность переселиться ближе к правителю (при жизни жены Ярославич чаще всего пребывал в Пинске). От Федора Ивановича Ярославича Щепя получил шесть человек в селах Велесница<sup>66</sup>, Мерчичи<sup>67</sup>, Мотоль<sup>68</sup> и др., два дворища на пашню в двух первых указанных селах, а также место в Пинске, предназначенное для строительства двора, с освобождением этого двора от податей и повинностей<sup>69</sup>.

Можно ли связать появление этого особого отношения князя Федора к Щепе с какими-либо событиями? Попытаемся это сделать. Владения Ивана Васильевича Ярославича и его сына князя Федора, сопредельные территории страдали от постоянных нашествий крымских татар. В начале XVI в. они опустошали окрестности Слуцка, Копыля, Клецка, Несвижа и Новогорода и даже однажды сожгли Клецк. Одним из способов борьбы с татарами, к которому прибегли князья Иван и Федор, являлось обращение к небесному заступничеству великомученика Димитрия Солунского. Указанные боголюбивые князья учредили два собора во имя этого святого воителя: один – в Пинске (1502), второй – в Городке Давыдовом (1507). Это были самые грандиозные церковные акции отца и сына<sup>70</sup>. Насколько князь Федор высоко чтит святого Димитрия, говорит тот факт, что все документы, связанные с упомянутыми храмами, Ярославич писал собственноручно.

<sup>62</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 41v–43; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 44 об.–46 об., опубл.: Ревизия. С. 271–273; «Для лепшого твердості...». № 10. С. 40.

<sup>63</sup> См. также: LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 43; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 46 об., опубл.: Ревизия. С. 273 (1524).

<sup>64</sup> «Для лепшого твердості...». № 10. С. 44.

<sup>65</sup> Документ имеет противоречивую дату: 17 августа 8011 г., индикт 7. При переводе на современный календарь 17 августа 7011 г. (указание 8011 г. является ошибочным) – это 1503 г. Однако индикт 7 указывает на 1504 г. Ошибка, видимо, заключается в индикте.

<sup>66</sup> Ныне – Велесница (белорус. Велясніца), д. Мерчицкого с/с Пинского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>67</sup> Ныне – Мерчицы (белорус. Мерчыцы), д., центр с/с Пинского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>68</sup> Ныне – Мотоль (белорус. Моталь), агрогородок, центр с/с Ивановского р-на Брестской обл. Республики Беларусь.

<sup>69</sup> Ревизия. С. 102–103; LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 42; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 45–45 об., опубл.: Ревизия. С. 271.

<sup>70</sup> Судя по тому, что вначале был поставлен собор святого Димитрия в Пинске, во владениях князя Федора, – в 1502 г. и лишь затем собор, посвященный этому святому, в Городке Давыдовом, во владениях князя Ивана, – в 1507 г., именно Федору Ивановичу Ярославичу могла принадлежать инициатива учреждения названных соборов.

Имели место и военные столкновения с татарами. В 1503 г.<sup>71</sup> в 7 милях от города Вручего<sup>72</sup>, на р. Уж (ныне впадает в Киевское водохранилище, в летописи она называется «Usza»), им противостояло войско во главе с князьями Федором Ивановичем Ярославичем, Юрием Ивановичем Дубровицким и Григорием Глинским. Князья потерпели поражение<sup>73</sup>. Не исключено, что благосклонность князя Федора в отношении к Федору Щепе, выразившаяся в том числе в пожаловании Щепе владений в Пинском повете, была связана как-то с его военными и, возможно, личными заслугами перед Федором Ивановичем Ярославичем (битва с татарами, в которой участвовал Ярославич, была ожесточенной, в ее результате погиб один из военачальников – Григорий Глинский). Возможно, именно в августе 1503 г., во время совершения пожалования на владения в Пинском повете, состоялось вручение князем Федором диптиха Щепе в знак его заслуг на поле брани.

Впрочем, мнение о том, что получателем диптиха был Федор Петрович Щепа, лишь одна из версий. Еще раз напомним, что согласно записи на диптихе его получателем являлся Федор Иванович Щепин. «Щепа» – это личное прозвище<sup>74</sup>, «Щепин» – патроним, указывающий на сына или потомка Щепы (хотя для данного региона более привычна форма «Щепич»). У Федора Петровича Щепы от его первого брака (с Мариной Юхновной Анцужковича) был сын Иван. Нельзя ли предположить, что еще при жизни Федора Ивановича Ярославича у Ивана родился сын Федор, которого князь Федор и одарил диптихом<sup>75</sup>. В этом случае мы имели бы полное совпадение имени получателя, отмеченного в диптихе, с именем лица, известного по другим источникам. Благодаря сохранившимся сведениям несложно подсчитать, когда родился Иван. Марина, которая родила Федору Щепе Ивана, прожила недолго. После ее смерти Щепа женился повторно – на Святохне. Еще в 1501 г. Святохна была замужем за Федкой Петрышевичем<sup>76</sup>, но уже в 1506/1507 гг.<sup>77</sup> она являлась женой Федора Петровича Щепы (с ней у Щепы детей не было<sup>78</sup>). Значит, Иван родился не позже 1506/1507 гг., и еще при жизни Ярославича он мог иметь сына. Но от данной версии, очевидно, следует отказаться. В 1524 г. Федор Петрович Щепа подтвердил у Боны владения, перешедшие к нему от первой жены с правом наследования этих владений их сыном Иваном<sup>79</sup>. Как явствует из источника, Иван в это время еще не был «отделен» от отца, то есть не обладал собственным недвижимым имуществом, а главное, он указан в этом источнике без упоминания жены и детей. Это может говорить о том, что в 1524 г. Федор Петрович Щепа еще не имел внуков. Правда, могло случиться так, что предполагаемый внук Щепы – Федор Иванович Щепа, так же как и его мать, ушли из жизни безвременно и к 1524 г. их уже не было в живых. Но все же складывается впечатление, что Иван Федорович Щепа не спешил со вступлением в брак. Впервые о его детях сообщает источник за 1549 г., причем в это время они еще не были совершеннолетними [Грушевский, с. 70].

<sup>71</sup> ПСРА. М., 2008. Т. 17. Стб. 564–565; [Грушевский, с. 21]. В летописи события, связанные с этой битвой, датированы 1502 г., но хронологически они приурочены, в частности, к посольству от великого князя московского, в результате которого было утверждено шестилетнее перемирие. Это посольство состоялось в 1503 г. (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. № 76. С. 413 и др.). В данном случае нас не должно смущать, что летописец датирует события «той же осени», поскольку таким же образом он датирует события, произошедшие, например, 30 августа (ПСРА. Т. 17. Стб. 565). Эту битву датирует 1503 г. Ю. Вольф [Wolff, s. 79, 107, 156]. Впрочем, из-за отсутствия надежных данных вопрос о дате этой битвы остается открытым.

<sup>72</sup> Ныне – Овруч (укр. Овруч), г., центр р-на Житомирской обл. Украины.

<sup>73</sup> ПСРА. Т. 17. Стб. 565.

<sup>74</sup> «Для лепшого твердости...». С. 39. Примеч.

<sup>75</sup> Это мнение было высказано С. В. Городилиным в ходе обсуждения статьи.

<sup>76</sup> Один список данного документа датирован 28 мая 8010 г., индикт 10 (LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 44), второй – 28 мая 8009 г., индикт 10 (НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 48–48 об., опубли.: Ревизия. С. 274–275). Датировка документа произведена по индикту.

<sup>77</sup> Документ датирован 7015 г. (LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 47; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 52–52 об., опубли.: Ревизия. С. 278–279).

<sup>78</sup> Об этом прямо сообщает источник (LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 44v; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 49, опубли.: Ревизия. С. 275, 1542 г.).

<sup>79</sup> LVIA. F. 1280. Ар. 1. В. 1161. L. 43–43 об.; НИАБ. Ф. 1777. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 46 об.–48, опубли.: Ревизия. С. 273–274 (1524).

Можно также высказать и следующее предположение. Диптих адресовался не Федору Петровичу Щепе, а его сыну – Ивану Федоровичу Щепину. Ведь если мы допускаем, что создатель диптиха сделал две ошибки в имени Федора Щепы (в отчестве и в третьем компоненте имени), то нельзя не допустить и то, что он мог перепутать имя и отчество получателя. Но данное предположение является маловероятным. Получается, что этот создатель сделал ошибку и в имени святого, оказывавшего владельцу небесное покровительство. Мастер-священник вряд ли мог сохранить данную ошибку.

Можно ли всю эту череду предположений, допущений и фактов объединить в одно правдоподобное мнение? Да, если мы предположим, что получателем диптиха являлся все же Федор Петрович Щепе и диптих был вручен ему 20 апреля 1511 г. в рамках акта пожалования Ярославича в пользу Щепы<sup>80</sup>. Ошибка в отчестве получателя могла возникнуть механически – по ассоциации с отчеством дарителя, а неточность в третьем компоненте имени могла появиться в результате неясно услышанного мастером прозвища получателя. Эти ошибка и неточность могли быть оправданы и «простительны».

Напомним, что в этот день праздновалась Пасха, которую святители особенными делами благочестия и благотворения ближним. Федор Иванович Ярославич, сделав пожалование, переписав в этот день документ для своего подданного, в символической форме репрезентировал свое христианское человеколюбие, показал равенство господина и слуги перед Богом и Страшным судом [Груша, с. 43]. Передача диптиха в день Пасхи вполне соответствовала главным идеям этого праздника. Поместив свои пожалование и переписку документа в сакральное пространство и время, он возвел их в ранг священных действий. Приложение к земельному дару еще одного дара – в виде сакрального предмета – усиливало священный характер этих действий. В данной ситуации указанные дары – земля и диптих – как будто составляли нечто единое, а не просто прилагались друг к другу.

Характерно и вот что. На 20, 21 и 22 апреля приходились дни памяти преподобных и мучеников, тезоименных Федору Щепе (20 апреля – Феодора Трихина, 21 апреля – Феодора «иже в Пергии», 22 апреля – Феодора Сикеота, епископа Анастасиупольского), один из которых мог являться небесным патроном Щепы. Не была ли эта передача диптиха Федору Щепе также и даром в связи с именинами получателя?

Даже если мы освободим эту версию от предположений и допущений, требующих дополнительных и более убедительных обоснований, все равно останутся важные факты. Князь Федор – личность явно неординарная в своем религиозно-символическом поведении. Активный и оригинальный в демонстрации своего благочестия, транслировавший и утверждавший посредством этого определенные религиозные идеи, он вознаграждал своих подданных не только землями и людьми, но также и предметами культа, которые должны были приуготовить получателей к Страшному суду и вести их к спасению.

\* \* \*

Рассматриваемый диптих не уникален с точки зрения наличия надписи, содержащей имя Федора Ивановича Ярославича. В коллекции графа Бланжи [Cahier] хранился миниатюрный рельеф с идентичной композицией и очень близким рисунком (о судьбе и месте хранения образка из указанной коллекции нам ничего неизвестно). Надпись, выполненная на нем, гласит: «Соѡеи Премудрость оБ(о)жіа<sup>81</sup> вроблена повеленемь бл(а)говерна[го] кн(а)зиа Феодора Ивановича<sup>82</sup> Йрослав[ича] | Попъ | Анаж. Ау»<sup>83</sup>. Это иной, хоть и близкий, текст (см. таблицу 1).

<sup>80</sup> «Для лепшого твердости...». № 8. С. 39–40. Мы не можем принять точку зрения В. Г. Пуцко, согласно которой изготовление диптиха надо отнести к периоду не ранее 1517 г. Это мнение основано на близости одной цитаты, приведенной на диптихе, с цитатой из Библии, напечатанной Франциском Скориной в 1517 г. [Пуцко]. Цитата слишком лаконична для подобных сравнений и заключений.

<sup>81</sup> Так в публикации. См. комментарий: [Уваров, с. 141].

<sup>82</sup> Так в публикации.

<sup>83</sup> Буквы «ау» написаны неотчетливо. Надпись воспроизведена по: [Уваров, с. 141]. Палеографическое описание букв см.: [Уваров, с. 142–144].



Таблица 1

Записи на диптихе из ГРМ и образка из коллекции Бланжи

Текст надписей на диптихе из ГРМ	Текст надписи на иконке из коллекции графа Бланжи
Соѡеи [Прему]др(о)сть Б(о)жіа дана бысть кн(а)з(е)мъ Ѳѣдор(о)мъ Ив[ановичомъ] ІѲрославича	Соѡеи Премудрость оБ(о)жіа вроблена повеленемъ бл(а)говерна[го] кн(а)зѣа Ѳѣдора ІІвановіча ІѲрослав[ича]   Попъ   Анаж. Ау
Дана бысть княземъ Ѳѣдоромъ Івановічомъ ІѲросл(а)віча Ѳѣдору Івановичоу Щепиноу робілъ попъ Ананиа	

Возможно, следует согласиться с мнением В. Г. Пуцко, что образок из коллекции Бланжи – вариативное воспроизведение диптиха из Государственного Русского музея [Пуцко]. Этот образок действительно может имитировать диптих и отсылать не к Федору Ивановичу Ярославичу, а к благоверному князю Федору Ярославичу, жившему в XIII в. Впрочем, эта версия требует проверки. А она возможна лишь в результате изучения данного образка *de visu*. Мы вовсе не исключаем тот факт, что перед нами еще одна иконка, изготовленная по заказу Федора Ивановича Ярославича.

\* \* \*

Каковы бы ни были результаты этой проверки, забегая вперед, мы должны иметь в виду, что в роли дарителя выступил человек, склонный к глубокой религиозной рефлексии. Напомним, что Федор Иванович Ярославич и его жена Олена были особо щедры к церкви, заботились о спасении собственных душ, а также душ своих родителей и слуг. Добавим также, что они проявляли щепетильность в отношении хозяйственного обеспечения церковей и церковного убранства. Нам кажется, что князь Федор при помощи как демонстрации своего благочестия, так и вручения диптиха мог являть и реализовывать особую политическую программу. Отчасти она была отражена в одной из великих богословских идей – Софии Премудрости Божьей, вбирающей в себя в том числе комплекс представлений о мироздании, освященной державе, благоверном царстве и богохранимом граде [Аверинцев] и призывающей людей к знанию и опыту праведности [Мейендорф, с. 244]. Не стоит ли нам рассматривать деятельность Федора Ивановича Ярославича как активность человека, следовавшего неким высшим правилам, которые были сформулированы на основе христианских ценностей, оценивать его как правителя, имевшего особую миссию, возложенную на него Богом? Если это так, то его деятельность существенно отличалась от привычных моделей поведения его современников.

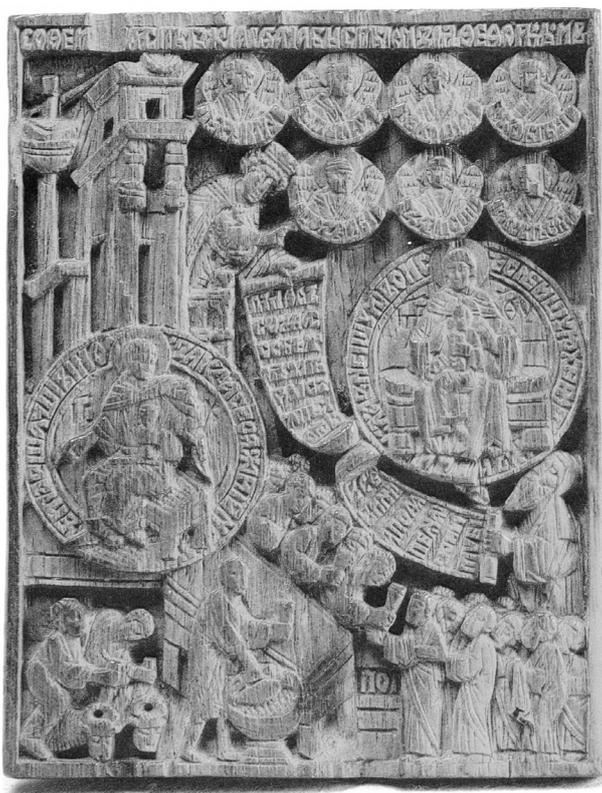


Рис. 1. Образок «Премудрость созда себе храм» (Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў. Табл. 21, 22).

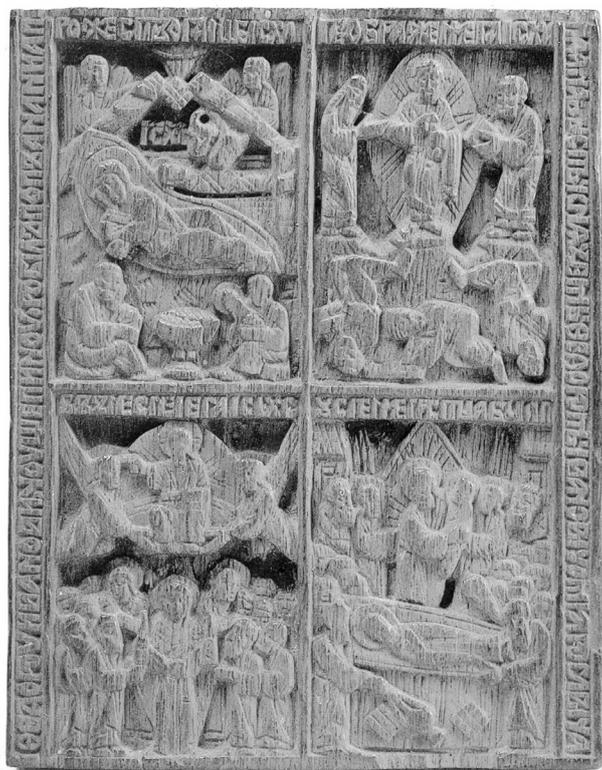


Рис. 2. Образок «Праздники» (Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў. Табл. 21, 22).

### Литература

- Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София-Логос. Словарь. М., 2006. С. 548–591.
- Баженова О. Византийская традиция в белорусском искусстве XV века // Иконы. ВУ. Энциклопедия белорусской иконы [Электронный ресурс]. URL: <http://ikony.by/vizantijskaya-tradiciya-v-belorusskom-iskusstve-xv-veka/> (дата обращения: 14.06.2019).
- Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Мінск, 1996. Т. 1. 551 с.
- Воронин В. А. Князья Олельковичи – претенденты на власть в Великом Княжестве Литовском // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2016. Вып. 9. С. 96–126.
- Груша А. И. Князь Федор Иванович Ярославич. Правитель, писавший документы своей рукой // Белорусское Полесье как историко-культурный феномен. Материалы Международного научного семинара (Пинск, 29 мая 2019 г.). Минск; М., 2019. С. 37–48.
- Грушевский А. Пинское Полесье XIV–XVI вв. Исторические очерки. Киев, 1903. 393 с.
- Культура Беларусі: энцыклапедыя [у 6 т.]. Мінск, 2010. Т. 1. 704 с.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. 276 с.
- Мейендорф И. Ф. Тема «Премудрости» в восточноевропейской средневековой культуре и ее наследие // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 244–252.
- Пазднякоў В. Ананія // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя ў 2 т. Мінск, 2005. Т. 1. С. 226.
- Пазднякоў В. С. Клецкая шляхта XVI–XVII стст. (Спісы) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2014. Вып. 15. С. 275–294.
- Пивоварова Н. В. Коллекция резного дерева Русского музея. Основные этапы формирования // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 15. 2013. Вып. 2. С. 147–160.
- Плешанова И. И. Два резных деревянных образка в собрании Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 209–217.
- Плешанова И. И. Ананія // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 222.
- Полехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». К 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014. С. 235–268.
- Пуцко В. Резная деревянная икона пинского князя // Гістарычная Брама. 2008. № 1 (23). URL: <http://brama.brestregion.com/nomer23/artic14.shtml> (дата обращения: 14.06.2019).
- Республика Беларусь: энциклопедия. Минск, 2006. Т. 2. 912 с.
- Уваров А. С. Резная икона «Премудрость созда себе дом», принадлежавшая пинскому князю Феодору Ивановичу Ярославичу, 1499–1522 // Уваров А. С. Сборник мелких трудов / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1910. Т. 1. Христианские древности и зодчество. С. 141–151.
- Cahier Ch. Monument slave religieux du Moyen âge // Mélanges d'archéologie, d'histoire et de littérature. Paris, 1847–1849. P. 127–149.
- Mironowicz A. Monastery diecezji turowsko-pińskiej w XVI w. // «Elpis». Czasopismo katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku. 2011. № 13/23–24. S. 227–250.
- Mironowicz A. Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2014. № 5/2. S. 11–27.
- Tieplowa W. Eparchia pińsko-turowska przed unią brzeską (XV–XVI w.) // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2006. R. 4. S. 13–23.
- Wilczek-Karczewska M., Karczewski D. Na chwałę Cerkwi i Kościoła. Fundacje pobożne kniazia Fiodora Iwanowicza Jaroslawicza Borowskiego, pana na Pińsku // Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej. Cykl II. Nie wszystkim umrę. Pamięć o zmarłych w kulturze staropolskiej. Bydgoszcz, 2015. S. 49–57.
- Wolff J. Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 723 s.

### References

- Averintsev, S. S. K uyasneniyu smysla nadpisi nad konkhoi tsentral'noi apsidy Sofii Kievskoi [To Understanding the Meaning of the Inscription over the Central Apse Conch of St. Sophia in Kiev]. In *Averintsev S. S. Sbornie sochinenii. Sofiya-Logos. Slovar'*. Moscow, 2006. Pp. 548–591.



- Bazhenova, O. Vizantiiskaya traditsiya v belorusskom iskusstve XV veka [Byzantine Tradition in Belarusian Art of the 15<sup>th</sup> Century]. In *Ikony.BY. Entsiklopediya belorusskoi ikony* [Web-site]. URL: <http://ikony.by/vizantijskaya-traditsiya-v-belorusskom-iskusstve-xv-veka/> (accessed 14 June 2019).
- Belaruskaya entsyklopedyya ŷ 18 t. [Belarusian Encyclopedia in 18 volumes]. Minsk, 1996. Vol. 1. 551 p.
- Cahier, Ch. Monument slave religieux du Moyen âge. In *Mélanges d'archéologie, d'histoire et de littérature*. Paris, 1847–1849. P. 127–149.
- Grusha, A. I. Knyaz' Fedor Ivanovich Yaroslavich. Pravitel', pisavshii dokumenty svoei rukoi [Prince Fedor Ivanovich Yaroslavich. The Ruler, Who Wrote Charters with His Own Hand]. In *Belorusskoe Poles'e kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (Pinsk, 29 maya 2019 g.)*. Minsk; Moscow, 2019. Pp. 37–48.
- Grushevskii, A. Pinskoe Poles'e XIV–XVI vv. Istoricheskie ocherki [Pinsk Polesie of the 14<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> Centuries. Historical Essays]. Kiev, 1903. 393 p.
- Kul'tura Belarusi: entsyklopedyya [u 6 t.] [Culture of Belarus: Encyclopedia [in 6 volumes]]. Minsk, 2010. Vol. 1. 704 p.
- Mazurov, A. B., Nikandrov, A. Yu. Russkii udel epokhi sozdaniya edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe knyazhenie v seredine XIV – pervoi polovine XV vv. [Russian Principality of the Era of the Making of a United State: Serpukhov Principality in the Middle of the 14<sup>th</sup> – the First Half of the 15<sup>th</sup> Century]. Moscow, 2008. 276 p.
- Meiendorf, I. F. Tema “Premudrosti” v vostochnoevropeskoj srednevekovoj kul'ture i ee nasledie [The Theme of “Wisdom” in Eastern European Medieval Culture and Its Heritage]. In *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury*. Moscow, 1988. Pp. 244–252.
- Mironowicz, A. Monastery diecezji turowsko-pińskiej w XVI w. In «*Elpis*». *Czasopismo katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku*. 2011. No. 13/23–24. P. 227–250.
- Mironowicz, A. Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku. In *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2014. No. 5/2. S. 11–27.
- Pazdnyakov, V. Ananiya [Ananias]. In *Vyalikae knyastva Litojskae: entsyklopedyya ŷ 2 t.* Minsk, 2005. Vol. 1. P. 226.
- Pazdnyakov, V. S. Kletskaya shlyakhta XVI–XVII stst. (Spisy) [Kleck Gentry in the 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> Centuries (Lists)]. In *Belaruskii arkhografichny shtogodnik*. Minsk, 2014. Issue 15. Pp. 275–294.
- Pivovarova, N. V. Kolleksiya reznogo dereva Russkogo muzeya. Osnovnye etapy formirovaniya [Collection of Carved Wood Products in the Russian Museum. Main Stages of Formation]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 15*. 2013. Issue 2. Pp. 147–160.
- Pleshanova, I. I. Dva reznikh derevyannykh obrazka v sobranii Russkogo muzeya [Two Carved Wooden Icons in the Collection of the Russian Museum]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik*. 1979. Leningrad, 1980. Pp. 209–217.
- Pleshanova, I. I. Ananiya [Ananias]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2001. Vol. 2. P. 222.
- Polekhov, S. V. Braki knyazya Svidrigaila Ol'gerdovicha [Marriages of Prince Svidrigaylo Olgerdovich]. In “*Po lyubvi, v' pravdu, bezo vsyakiye khitrosti*”. *K 80-letiyu V. A. Kuchkina*. Moscow, 2014. Pp. 235–268.
- Putsko, V. Reznaya derevyannaya ikona pinskogo knyazya [Carved Wooden Icon of Pinsk Prince]. In *Gistarychnaya Brama*. 2008. No. 1 (23). URL: <http://brama.brestregion.com/nomer23/artic14.shtml> (accessed 14 June 2019).
- Respublika Belarus': entsiklopediya [Republic of Belarus: Encyclopedia]. Minsk, 2006. Vol. 2. 912 p.
- Tieplowa, W. Eparchia pińsko-turowska przed unią brzeską (XV–XVI w.). In *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2006. R. 4. S. 13–23.
- Uvarov, A. S. Reznaya ikona “Premudrost' sozda sebe dom”, prinadlezhavshaya pinskomu knyazyu Feodoru Ivanovichu Yaroslavichu, 1499–1522 [Carved icon *Wisdom has Built Her House*, Which Belonged to Prince of Pinsk Feodor Ivanovich Yaroslavich, 1499–1522]. In *Uvarov A. S. Sbornik melkikh trudov*. Edited by P. S. Uvarova. Moscow, 1910. Vol. 1. Khristianskie drevnosti i zodchestvo. Pp. 141–151.
- Voronin, V. A. Knyaz'ya Olel'kovichi – pretendenty na vlast' v Velikom Knyazhestve Litovskom [Princes Olelkovich – Contenders for Power in the Grand Duchy of Lithuania]. In *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy*. Minsk, 2016. Issue 9. Pp. 96–126.

Wilczek-Karczewska, M., Karczewski, D. Na chwałę Cerkwi i Kościoła. Fundacje pobożne kniazia Fiodora Iwanowicza Jarosławicza Borowskiego, pana na Pińsku. In *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej. Cykl II. Nie wszystek umrę. Pamięć o zmarłych w kulturze staropolskiej*. Bydgoszcz, 2015. S. 49–57.

Wolff, J. Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 723 s.

*Aleksandr I. Hruša*

*Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus*

WHOM AND WHY DID PRINCE FEDOR IVANOVICH YAROSLAVICH  
PRESENT A WOODEN ICON WITH THE THEME “WISDOM HAS BUILT HER HOUSE”?

An attempt is made to identify the recipient of the 16<sup>th</sup>-century wooden carved icons, which are kept in the State Russian Museum in St. Petersburg (No. ДРД-47, 60), to find out the motivations of the donor Prince Fyodor Ivanovich Yaroslavich, the Ruler of Pinsk, Kletsk, Gorodok Davydov and Rogachev, and circumstances when he handed the icons to the recipient. A question is raised about unique personality of the Prince, his identity, personal choice, thoughts, feelings and practices in the sphere of his own social and cultural ties.

*Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Fedor Ivanovich Yaroslavich, an icon, “Wisdom has built her house”, a gift, representation of piety, religious ideas*